

Детерминанты социально-классового структурирования общества и их специфика в условиях системных трансформаций

А.В. Бузгалин, А.И. Колганов

Авторы показывают, что характерное для социально-философской доктрины Маркса акцентирование технологических и экономических основ социального структурирования, остается актуальным методологическим основанием и в XXI веке. Однако социально-философские разработки современного марксизма, критически развивая положения Маркса полуторавековой давности, показывают, что начавшиеся трансформации технологических и социально-экономических основ позднего капитализма приводят к глубоким изменениям в характере и содержании социально-классового структурирования. В частности, базовая классовая структура классического индустриального капитализма трансформируется под влиянием прогресса творческого содержания труда и социализации рынка, приводя к формированию межклассовых социальных групп и внутриклассовой стратификации, своеобразной «расфокусировки» этой структуры. Авторы раскрывают технологические и социально-экономические детерминанты такой «расфокусировки» и их последствия – трансформации социальной структуры. Показаны трансформации двух «классических» классов (индустриальный наемный работник – частный собственник капитала) капиталистического общества, обусловленные технологическими революциями последних десятилетий – с одной стороны; развитием в XX веке и сохранением в XXI веке отношений общественного регулирования и присвоения в недрах рыночно-капиталистической системы – с другой. Раскрыто влияние на эти трансформации процессов нарастания/снятия отношений социального отчуждения и их противоположности – социального творчества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальная философия, марксизм, социально-классовая структура общества, поздний капитализм, творческий труд, Постсоветская школа критического марксизма.

БУЗГАЛИН Александр Владимирович – Научно-образовательный центр современных марксистских исследований философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; кафедра политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.

Доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

buzgalin@mail.ru

КОЛГАНОВ Андрей Иванович – лаборатория сравнительного анализа социально-экономических систем экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1 стр. 46.

Доктор экономических наук, профессор, зав. лабораторией сравнительного анализа социально-экономических систем экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Статья поступила в редакцию 11 ноября 2018 г.

Цитирование: *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Детерминанты социально-классового структурирования общества и их специфика в условиях системных трансформаций // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 50–61.

Реактуализация марксистского метода: к вопросу о терминах

Ниже мы хотим предложить читателю лишь небольшой — посвященный проблеме «снятия» социофилософских оснований классического классового подхода — фрагмент того переосмысления классического наследия автора «Капитала», которое проделано в рамках одного из течений современного марксизма, получившего в отечественной и мировой литературе имя «Постсоветской школы критического марксизма» (см., напр.: [Lin 2010]).

Прежде всего, позволим себе несколько кратких *методологических ремарок*. Диалектический метод, ныне едва ли не игнорируемый, окажется в данном случае весьма полезным основанием для решения проблем, которые мы хотим поставить в центр внимания данного текста. Это, во-первых, проблема объективных основ и, во-вторых, трансформаций социальной структуры общества начала XXI века, а также, в-третьих, проблема социально-классовых противоречий. Проблемы, мягко говоря, не новые, но они редко решаются с позиций методологии и теории современного марксизма. Между тем такой подход позволяет дать если не слишком неожиданные, то весьма хорошо «работающие» (в том числе в области практического применения) решения.

Проблема номер один предполагает, что мы не только позитивно фиксируем наличие некоторых социально-различных страт, и уж тем более не только даем изолированные характеристики отдельных групп или группочек населения, следуя постмодернистским установкам (деконструкция и детерриализация как императивы исследования — никаких «больших нарративов!»), но и ставим вопросы о лежащих в сфере общественного производства технологических и социально-экономических основаниях и *причинах* формирования той или иной социальной структуры как *особой* подсистемы общества.

Сама по себе *постановка* проблемы номер два предполагает то, что наличие количественных и качественных, эволюционных и революционных изменений в социальной структуре общества и ее основаниях является правилом, а не исключением (отсюда, кстати, очевидное следствие: тезисы Маркса и Ленина о все большей поляризации общества и формировании классов буржуазии и пролетариата, в полной мере адекватные периодам первоначального накопления капитала и классического индустриального капитализма, сегодня, более 100 лет спустя, должны быть подвергнуты критическому развитию, иначе это будет не марксизм, а догматизм). Соответственно, *учет трансформаций социальной структуры* как одного из определяющих факторов формирования ее современно-го состояния будет лежать в основе наших дальнейших выводов.

Проблема номер три предполагает отнюдь не только исследование классовых противоречий (не будем забывать, что противоречие — это не только взаимоотрицание, но и единство противоположностей: класса наемных работников не может быть, если нет класса собственников капитала и наоборот), но и исследование противоречий как источника прогресса (или регресса — это уже марксизм XX века) социальной структуры. Данный тезис необходимо подчеркнуть: *видоизменение классовых противоречий, их самоотрицание и в то же время углубление и усложнение как внутри капиталистической системы, так и под влиянием более масштабных сдвигов — это процесс подтверждающий, а не опровергающий правоту марксистской методологии*. И, напротив, сохранение старого тезиса о том, что капитализм есть исключительно противоречие пролетариата и буржуазии в современных условиях, как мы только что отметили, противоречит и методологии, и теории марксизма.

Прежде чем продолжить наши размышления позволим себе краткое отступление. В социальной философии марксизма хорошо известно положение о том, что генеральным трендом современной эпохи является нелинейный переход к новому качеству общественной жизни, лежащему «по ту сторону собственно материального производства» (см. [Маркс 1962, 386–387]). Суть этого тренда — развитие человечества к общественной системе, основой которой становится свободный творческий труд и свободное время. Не эти ли процессы мы наблюдаем сегодня в тех сферах, где развиваются робототехника, безлюдные производства и т.п. элементы 6-го технологического уклада? А ведь о закономерной необходимости этой трансформации Маркс писал еще в XIX веке, говоря о них как о нелинейном переходе человечества из «царства необходимости» в «царство свободы» [Маркс 1962, 386–387]. Подчеркнем: именно эти, *фундаментальные по своему содержанию трансформации, связанные с экстенсивным и интенсивным прогрессом творческого труда, оказываются чем дальше, тем больше, детерминантами трансформаций социальной структуры.*

И последняя методологическая ремарка. Явно или неявно используемая в большинстве современных исследований методология позитивизма предполагает выделение в первую очередь тех социальных групп, которые характеризуются эмпирически наблюдаемыми и легко отражаемыми количественно специфическими чертами: пол, возраст, уровень доходов, образование, место жительства, профессия и т.п. с дополнением этих параметров результатами самооценки респондентами своего бытия. Спору нет — эти кажущиеся сугубо конкретными, а на самом деле сугубо абстрактные (частные, видимостные) характеристики важны, но только как начало исследования. Они позволяют выделить некоторые социальные слои на основе этих — видимостных — характеристик, что полезно, но сугубо недостаточно.

Все это, с одной стороны, широко известно. Но, с другой, столь же широко игнорируется. И преодоление этих проблем предполагает не только учет разнообразных параметров, но и — что гораздо важнее и гораздо сложнее — их системную субординацию, позволяющие выделить не только качественные и количественные параметры, но и понять, где относительно инвариантное содержание социального процесса, а где его подвижные, изменчивые, а то и вовсе превратные, выворачивающие содержание на изнанку, формы (см. [Мамардашвили 1990]). Для решения названного выше круга задач и полезна в первую очередь та марксистская социальная философия, которая вроде бы как всем известна, но при этом не слишком часто используется последовательно и эксплицитно.

Завершая наше методологическое введение, дадим некоторые предварительные определения ключевых понятий нашего текста. Начнем с того, что в последнее время категория «класс» в социальной философии используется редко и в очень разных смыслах. Мы ниже будем исходить из понимания *класса*, которое является современной коррекцией известного ленинского определения и обосновано в серии названных ниже работ авторов, где мы показали, что классом можно считать устойчиво воспроизводимую и составляющую одну из основных социальных групп общества, складывающуюся в рамках определенной общественно-экономической формации и обладающую единым системным качеством, объединяющим основные ее характеристики¹:

- 1) особое положение в системе общественного производства, определяемое прежде всего содержанием труда и местом в системе общественного разделения труда;
- 2) качество определенного актора определенных производственных отношений (в первую очередь — отношений координации, присвоения и отчуждения, распределения и перераспределения дохода, воспроизводства);
- 3) наличие специфических общественных интересов;
- 4) их политико-идеологическое оформление.

Законченный вид класс обретает тогда, когда все основные его характеристики явно выражены, устойчиво воспроизводятся и взаимоадекватны: содержание труда, место в системе производственных отношений, политико-идеологические формы соответствуют друг другу. Именно такими были классы наемных рабочих и капиталистов в рамках классического индустриального капитализма. Но! Подчеркнем:

в строгом смысле слова «класс» — это *конкретно-всеобщее* понятие, которое характеризует действительное единство различных особенных, односторонних, исторически специфических (и в этом смысле — абстрактных) проявлений данного феномена. Он реален в той же мере, в коей реальны такие феномены как «родовая сущность человека» (Маркс — Лукач), «труд», «капитал» и т.п.

В конкретных исторических обстоятельствах в определенном социальном пространстве (скажем, стране) классы всегда в большей или меньшей степени размыты, диффузны. Особенно типична такая диффузия для состояний генезиса или заката определенной социальной системы. В этих условиях возникают социальные группы, складывающиеся как подсистемы такой системы как класс, или возникающие на пересечении этих систем. Мы ниже будем называть такие группы *социальными слоями*. Они складываются как:

- 1) продукт воспроизводства какой-либо одной из определенностей класса (или нескольких, но не всех: скажем, наемные работники, занятые преимущественно ручным трудом; буржуа, контролирующие ключевые права собственности глобального корпоративного капитала или др.);
- 2) результат межклассовой диффузии (формирование социальных слоев, переходных от одного класса данного общества к другому; типичный пример — слой наемных работников, занятых трудом по управлению на капиталистических предприятиях и присваивающих часть прибавочной стоимости);
- 3) временно возникающий продукт трансформации класса, характерного для одной исторической общественной системы, в класс, характерный для другой общественной системы (например, трансформация российского крепостного в наемного работника или наемного работника — в члена свободной работающей ассоциации) и т.д.

Внимательный читатель, по-видимому, уже готов заметить: в этих определениях нет особой новизны. И он будет прав. Но эти определения даны на основе последовательной реализации марксистской методологии, а одна из основных задач нашего текста в том и состоит, чтобы показать: *целостное и системное использование философии марксизма позволяет дать адекватное отображение социальной структуры общества, в частности, социальной структуры позднего капитализма*. К последнему предмету мы и переходим ниже.

Технологические и социально-экономические детерминанты социально-классовой структуры позднего капитализма и их трансформации

Как мы уже заметили выше, *начиная с XX столетия мир вступил в эпоху ряда разномасштабных, но совпадающих во времени и пространстве трансформаций*. Выделим только две из них — те, что имеют непосредственное отношение к предмету данного текста.

Первая, относительно меньшая по своей глубине и масштабу трансформация, состоит в том, что в недрах рыночно-капиталистической системы возникли и при некоторых реверсиях последних десятилетий присутствуют элементы ее социализации: государственные ограничения рынка, промышленная политика, бесплатные трансферты, общедоступные блага и др. В результате капитализм переходит в стадию, которая почти полвека назад была названа «*поздним капитализмом*» (см.: [Mandel 1972; 1987]). Специфика последнего состоит в том, что прогресс рынка и капитала, буржуазной демократии и либеральной идеологии отныне становится возможен только при помощи развития отношений, отрицающих свои собственные основания: планирования, производства и присвоения общественных благ, демократии «корней травы» и социалистических идейных течений.

Вторую, еще более глубокую и масштабную трансформацию, связанную с нелинейным вытеснением отношений социального отчуждения («царства необходимости») и развитием отношений социального творчества («царства свободы») мы уже обозначили выше.

Пождчеркнем: оба тренда эволюционируют *нелинейно*. Так, середина XX века была периодом все более активного регулирования рынка и ограничения капитала,

развития вширь и вглубь отношений социального освобождения, тогда как последние десятилетия стали временем господства противоположных тенденций. Эти процессы значительно трансформируют базовую социальную структуру современного общества. Однако прежде чем говорить об этих трансформациях рассмотрим подробнее некоторые базовые характеристики детерминации социальной структуры со стороны феноменов, называемых в марксизме производительными силами и производственными отношениями.

Начнем с первых. Здесь определяющим фактором социального структурирования является содержание труда. Соответственно, три основных этапа развития производительных сил – производство, основанное на ручном репродуктивном труде, на индустриальном репродуктивном труде и творческой деятельности [Florida 2014; Маслов 2018] – позволяют выделить базовые характеристики трех лежащих в сфере производительных сил детерминант классов трудящихся.

Система производственных отношений обусловит более сложную детерминацию. В рамках короткой статьи выделим только три базовых детерминанты: отношения присвоения и отчуждения (подчеркнем: они не сводимы к формам собственности), распределения дохода и воспроизводства.

Специфика первых обуславливает содержание классов. Деление на объектов и субъектов отчуждения и присвоения факторов производства на основе того или иного способа личной зависимости (рабство, азиатская деспотия, крепостничество) станет социально-экономической основой выделения классов в дорбуржуазных системах. Отношение присвоения рабочей силы наемного работника и создаваемой им прибавочной стоимости – основой для выделения классов капиталистического общества. Единство труда и присвоения (характерное, скажем для пространства викиномики [Тапскотт, Вильямс 2009]) – основой для зарождения элементов бесклассового общества.

Отношения распределения дохода и способ его получения (если говорить о прибавочном продукте, то это может быть рента, прибыль или свободный доступ к общественным благам) станет условием для воспроизводства класса. Воспроизводство базовых характеристик – содержание труда, место в системе отношений присвоения и т.д. – становится основанием для формирования экономических основ устойчивого функционирования данных акторов именно как особой социальной силы с определенными трудовыми и социально-экономическими параметрами и, что особенно важно в данном случае – устойчивыми классовыми интересами.

Все это хорошо когда-то известные, но ныне большинством исключенное из арсенала социальной философии знание, требует не только «восстановления в правах», но и обновления. А обновление это связано с теми самыми трансформациями, о которых мы вели речь выше. В этом тексте выделим только три наиболее значимых тренда в изменении содержания базовых детерминант классов в условиях позднего капитализма.

Первый: изменение содержания труда наемных работников: страны «ядра» (так называемый «Север») вот уже более полувека стоят на пороге перехода от преимущественно репродуктивного и к преимущественно творческому труду наемных работников. Этот переход, в той мере, в какой он становится реальностью, ведет ко второй трансформации – частичному снятию того, что Маркс называл «реальным подчинением труда» и превращению креативного работника в фигуру, двояко взаимодействующую с собственником капитала: с одной стороны, в своем качестве наемного работника он подчинен капиталу; с другой, как стороны, капитал зависит от его уникального творческого потенциала [Хубиев 2018; Бузгалин 2018]. Третья трансформация связана с обусловленными первыми двумя изменениями в отношениях распределения дохода: вот уже более полувека в странах «социального» капитализма значительная часть прибыли частного капитала перераспределяется в общественные фонды, бесплатно и на более-менее равных основаниях используемые всеми членами общества.

Эти тренды приводят к трансформации социально-классовой структуры. Еще большие изменения связаны с межклассовой диффузией и формированием новых социальных слоев, обусловленных возникновением в рамках позднего капитализма элементов новых общественных отношений, но об этом ниже.

Итак, исследование технологических и социально-экономических детерминант социально-классовой структуры общества предполагает необходимость, во-первых, исходить из *наличия базисных детерминант социально-классовой структуры*. Во-вторых, принимать во внимание *всю* совокупность детерминант, задаваемых как производительными силами, так и *системой* производственных отношений конкретного социума в диалектической взаимосвязи одних с другими. В-третьих, принципиально важно учитывать наличие *трансформационных процессов*, существенно усложняющих, как было показано выше, социальную структуру, что особенно важно для периода позднего капитализма.

В отличие от приписываемого марксизму экономического детерминизма, как классическая версия этой парадигмы, так и современный марксизм всегда указывали на значимость *политических, идеологических и культурных факторов формирования социально-классовой структуры*. Мы, однако, указав на этот аспект, вынуждены в данном тексте обойти его стороной, основанием для чего является, в том числе, освещение этой темы в указанных выше других работах авторов. В этом тексте мы хотели бы обратить внимание читателей только на один аспект: социально-творческая деятельность класса как особого общественного актора (его включение в процесс деятельности по осуществлению социальных реформ, например), невозможно без (1) политико-идеологического оформления класса, без того, что в марксизме называется переходом от класса-в-себе в класс-для-себя и (2) формирования и распространения в духовной сфере культуры, отражающей и формирующей интересы класса (см. [Булавка 2013; 2011]).

Последнее хотелось бы подчеркнуть особо: речь идет не о пропагандистском клише «классовой культуры», а о пространстве-времени художественного творчества, соединяющего автора и того, кто распредечивает созданные им культурные феномены, в котором формируется культурный образ социального и личного бытия, объективно отвечающего на запросы того или иного класса. Так художественный мир, в котором главным героем становится частный свободный индивид, оказывается важнейшей предпосылкой формирования и включения в общественную борьбу за свои права класса буржуазии; пространство книг и фильмов, центром которых становится солидарное действие во имя общей цели стало важнейшим фактором формирования профсоюзного и левого движения, социальных реформ и социалистически-ориентированных революций...

Нам, однако, пора наконец показать, как «работает» названная методология и предложить читателю предельно краткий вариант видения социально-классовой структуры позднего капитализма, основанный на выделенных выше предпосылках.

Социальная структура позднего капитализма: наемные работники и другие классы; их внутри- и межклассовая диффузия

Авторы не случайно в начале текста подчеркнули, что будут стремиться использовать в своем исследовании диалектический метод. Вот и в данном случае, обращаясь к решению поставленной в подзаголовке проблемы, мы постараемся следовать критерию выделения классов и производных от них социальных слоев, следуя принципу противоречивого единства исторического и логического. Мы начнем наше исследование с выделения исторически первых и наименее развитых социальных слоев, ориентируясь на выделенные выше параметры, прежде всего – содержание труда и отношений присвоения/отчуждения. При этом исторический срез окажется одновременно и социопространственным срезом: глобальный капитализм начала XXI века воспроизводит в разных своих подсистемах свою историю: страны периферии имеют производительные силы, производственные отношения и социальную структуру, близкую к эпохе раннего капитализма, а страны «ядра» – новейшему этапу позднего капитализма.

Так у нас выстроится структура классов и производных от них внутри/межклассовых социальных слоев современного глобального капиталистического общества (для ее предельно краткой характеристики воспользуемся фрагментами из нашей книги «Глобальный капитал», подвергнув их некоторой редакции и обновлению – подробнее см.:

[Бузгалин, Колганов 2018 II, 467–481]). Эта структура будет разворачиваться от сохраняющего черты добуржуазного бытия крестьянства к «классическому» индустриальному пролетариату и, далее, мелкой буржуазии и их оппозиции — классу капиталистов и его слоев. Далее мы обратимся к рассмотрению слоев, характерных именно для позднего капитализма и анализу процессов внутри/межклассовой диффузии.

Используя этот историко-логический подход, мы должны будем начать с того, что внизу социальной пирамиды в современном глобальном мире существуют значимые социально-экономические подпространства (в них обитает более миллиарда человек), где еще сохраняются пережитки феодализма и характерный для этой системы такой уходящий в прошлое и частично трансформированный капитализмом класс как *крестьянство* и другие слои стран периферии, которые заняты до- и ранне-индустриальным трудом и являются объектом *до-буржуазной* и ранне-буржуазной эксплуатации.

«Для анализа современного общества наиболее значим, однако, *класс наемных работников*. Причины этого очевидны: именно этот слой был и остается наиболее многочисленным в условиях современного глобального капитализма и именно на труде наемных работников базируется вся пирамида власти корпоративного капитала. <...> Последнее обуславливает необходимость обращения к проблемам *специфики класса наемных работников в условиях глобального капитализма*» [Бузгалин, Колганов 2018 II, 470, 472].

Вернемся к проблемам индустриального рабочего класса в XXI веке. Хорошо известно, что в последние десятилетия в странах периферии и полупериферии происходит рост численности индустриального рабочего класса. Более того, как мы уже заметили, и в странах «ядра» в последние годы начался процесс реиндустриализации [Бодруно 2016], включающий не только создание новой «индустрии 4.0», но и возрождение «старой» промышленности, предполагающей использование технологий 4-го технологического уклада.

В результате складывается сложная структура внутриклассовой стратификации класса наемных работников, реперными точками которой становятся (1) наемные работники, отчасти находящиеся в личной зависимости и занятые преимущественно ручным трудом (как правило, в странах периферии и, меньше, полупериферии); (2) «классические» индустриальные наемные работники (составляющие едва ли не большинство трудящихся стран полупериферии); (3) креативные наемные работники (занятые преимущественно в странах «ядра» в таких сферах, как образование [Яковлева 2018], здравоохранение, культура и т.п.).

Последний слой обладает принципиально значимой спецификой и по многим параметрам (прежде всего — содержание труда и место в общественном производстве) не может быть (или не может быть в полной мере) отнесен к исследуемому нами классу. Для этого слоя характерно *противоречие между их положением в системе общественного производства* (субъекты творческого по своему содержанию труда) *и системе производственных отношений* (наемные работники капиталистических предприятий). Это обуславливает их формальное подчинение капиталу и, в частности, то, что результаты их творчества становятся собственностью капитала, а не работника, их создавшего. Созданный таким работником культурный феномен (программа, лекарственный препарат, технология) становится собственностью фирмы, а его создатель не имеет права даже дать своему детищу имя.

Первое, как мы подчеркнули выше, заставляет собственника капитала существенно трансформировать свои отношения с таким — творческим — наемным работником, обладающим во многих случаях уникальными свойствами, обуславливающими зависимость капитала от такого работника, противоречиво сочетающуюся с подчинением этого работника капиталу. Данная трансформация и есть одно из проявлений сформулированной выше закономерности — диффузии классовых признаков в условиях трансформации социальных систем вообще и на стадии позднего капитализма, в частности.

Совершенно особое социальное положение занимают, *в-четвертых*, акторы, непосредственно обслуживающие и *практически осуществляющие функции гегемонии капитала*. Они занимают особое место в системе и производительных сил, и производственных

отношений. Это (1) работники, выполняющие деятельность по подчинению труда капиталу — лица, занятые корпоративным управлением и в сферах политико-идеологического и культурного обеспечения и продвижения гегемонии капитала (приближенная к капиталу «элитная» интеллигенция); (2) лица, занятые в превратном, бесполезном секторе² — в той части корпоративного управления, финансов, маркетинга и т.п., которая не обслуживает объективно необходимые процессы воспроизводства³, а реализует функции принуждения наемного труда, иных форм гегемонии капитала, а также перераспределения стоимости между группами капиталистов и (3) собственно слуги — персонал, обслуживающий личное потребление капитала.

Отметим: эти три подмножества взаимно пересекаются, накладываются друг на друга, но во всех своих составляющих имеют общие характеристики. Занятые в этих сферах акторы характеризуются особым местом в системе общественного производства (обслуживание функций капитала в чистом виде, т.е. выполнение общественно бесполезной с точки зрения задач прогресса⁴ общества деятельности) и системе производственных отношений.

Естественно, глобальный капитал воспроизводит и устойчивое межклассовое образование (социальный слой), который в марксистской теории получил имя *мелкой буржуазии*. Это круг частных лиц, являющихся одновременно и собственниками средств производства, и работниками, их использующими. Отметим, что этот слой часто ошибочно отождествляют с т.н. «малым бизнесом», Последний, однако, является в большинстве случаев обычным капиталистическим предприятием, воспроизводимым уже не одно столетие: физический собственник капитала и подчиненные ему формально и (или) реально несколько (до 50, а в ряде стран — до ста) наемных работников.

«Что касается *класса буржуазии*, то в современных условиях внутри него следует выделить прежде всего расположенный наверху современной социальной пирамиды весьма аморфный слой *субъектов гегемонии корпоративного капитала*. <...> К ним относится круг лиц, которым принадлежит экономико-политическая власть и основная часть общественного богатства: от держателей контрольных пакетов акций крупнейших корпораций до государственной номенклатуры и инсайдеров, неформально, контролирующими основные права собственности в корпоративных группах — мы много писали о них в названных выше работах. К подгруппам класса буржуазии сегодня, естественно, относятся также во многом зависимые от корпоративной номенклатуры буржуазные слои в странах периферии и полупериферии (от полупериферальных вождей до российских олигархов), а также страты частных собственников относительно независимых некорпоративных капиталов (средняя буржуазия), рантье и т. п.» [Бузгалин, Колганов 2018 II, 476–477].

Так выстраивается достаточно традиционная для марксистской парадигмы структура основных классов и социальных слоев. Достаточно очевидно, что она далеко не исчерпывает реальное многообразие основных социальных слоев позднего капитализма. В рамках этого социального пространства-времени складываются социальные формирования, часть из которых (например, работники коллективных предприятий) известна уже давно, часть становится значимым социальным явлением на наших с вами глазах. Среди последних наиболее часто упоминаются т.н. «креативный класс» и прекариат.

Р. С. «Креативный класс», прекариат и иные продукты системных трансформаций

Вынесенный в заглавие последнего подраздела статьи вопрос заслуживает особого рассмотрения, и авторы представили результаты исследования этой проблемы в статье [Бузгалин, Колганов 2019]. В данном же случае мы ограничимся только анонсом тех выводов, к которым пришли в своих исследованиях.

Во-первых, изменения в содержании труда и, в первую очередь, развитие массовой творческой деятельности как в креатосфере (образование, здравоохранение, искусство и т.п.), так и в секторе, который мы назвали выше бесполезным (превратным), вызвало к жизни формирование такого социального слоя как «*креативный класс*»⁵. Существенно, что занятые и в креатосфере, и в сфере бесполезной деятельности креативные работники

могут быть включены в производственные отношения как в частном, так и в общественном секторах и в разных социально-экономических ипостасях: от наемного работника до фрилансера или мелкого буржуа. В результате выделение слоя, получившего название «креативный класс» всего лишь по одному признаку приводит к объединению в одну группу весьма разнородных по другим параметрам акторов.

То же самое характерно и для такого протокласса как *прекариат* (см. [Стэндинг 2014; Тощенко 2015; 2017]). Здесь, в отличие от ситуации с креативным классом, основой выделения слоя становится специфика его включения в производственные отношения и обусловленные этим политико-идеологические и т.п. черты. Это лица, не имеющие стабильной занятости и систематически сменяющие роли наемного работника, фрилансера и даже мелкого буржуа. Эта нестабильность уже сама по себе делает их особым социальным образованием, что еще более усложняется тем, что прекариат — это абстрактно-общая черта, объединяющая лиц с разным содержанием труда, уровнем дохода и т.п., но при этом это не пустая абстракция — это практически данная, хотя и односторонняя, общность, существующая как экономическая, политическая и даже идеологическая реальность.

Наконец, на протяжении последнего полувека (и даже более) постепенно формируется зародыш нового класса нового, еще не возникшего в своей целостности общества — лица занятые массовым, общедоступным творческим трудом и работающие в общественном секторе, т.е. не являющиеся непосредственно объектом эксплуатации частного капитала. Авторы предлагают назвать этот протокласс «*социалиат*» и подумать вместе с читателями о том, насколько обосновано его выделение и если оно обосновано, то что он из себя представляет. За собой же мы оставляем право и вместе с тем обязательство в ближайшее время продолжить эту тему.

В заключение остается только еще раз повторить: все описанные выше (равно как и некоторые другие, о которых мы не смогли упомянуть) межклассовые слои, для которых типична взаимная неадекватность основных классообразующих параметров, есть свидетельство не ошибочности методологии, а как раз ее правоты, ибо в самом начале мы специально подчеркнули, что постсоветская школа критического марксизма тем и отличается от того, что писали Маркс и его сподвижники в позапрошлом веке, что показывает те деформации, которые социальная структура претерпевает в условиях позднего капитализма — тогда, когда и производительные силы, и производственные отношения буржуазной системы, и ее надстройка (о чем мы почти ничего не смогли сказать в силу ограниченности формата данной публикации) претерпевают системные трансформации.

Примечания

¹ Сходные позиции редко, но все же встречаются в современной социологической литературе (см., напр.: [Тихонова, 2014]).

² В упомянутых выше работах авторов показано, что в условиях позднего капитализма все большую роль в экономике занимает сектор, в котором создаются блага, бесполезные с точки зрения такого критерия, как прогресс человеческих качеств и необходимых для этого технологий. Это большая часть деятельности в таких сферах как финансы, маркетинг и т.п.

³ Следует отметить, что по данным социологических опросов до 40% работников США оценивают свой труд как бесполезный, не имеющий смысла, не приносящий пользу обществу. В американских источниках он получил название *bullshit jobs* (авторы не переводят название из соображений приличия). Это понятие было впервые предложено профессором антропологии Лондонской школы экономики Дэвидом Гребером [Graeber 2013 web] и с тех пор широко обсуждается общественностью и экспертами (подробнее см. [Graeber 2018]).

⁴ Проблема прогресса в последние десятилетия заменилась обсуждением целей устойчивого развития (в рамках «Декларации тысячелетия» ООН, принятой в 2000–2015 гг. и сменившей ее «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года») и т.п. Одним из исключений являются публикации по проблеме общественного прогресса проф. К.Х. Момджяна [Момджян 2016]. Несмотря на ряд разногласий, авторы согласны с ним в том, что тема социального прогресса не может быть исключена из проблемного поля современной философии. Позиция авторов по данному вопросу изложена, в частности, в упомянутом выше двухтомнике «Глобальный капитал».

⁵ Сам этот термин, как известно, стал популярен после выхода книги Ричарда Флориды «Креативный класс» [Florida 2002; 2014], в которой была собрана немалая статистика о различных профессиональных группах, занятых в тех сферах, где требуется приложение творческих способностей, и, более того, в работе было выделено суперкреативное ядро – лица, в труде которых творческие функции играют определяющую роль, и показано, что этот социальный слой в настоящее время охватывает в США до трети занятых. Сведения о доле креативного класса в общем числе занятых, учитывающие последние статистические данные по США и России, представлены в работе [Джаббаров 2016].

Primary Sources and Russian Translations

Маркс 1962 – *Маркс К.* Капитал. Т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. М.: Политиздат, 1962 (Marx K. Das Kapital. Bd. III. Russian translation).

Primary Sources

Mandel 1972 – Mandel, Ernest (1972) *Der Spätkapitalismus. Versuch einer marxistischen Erklärung*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt a.M.

Mandel 1987 – Mandel, Ernest (1987) *Late Capitalism*, Verso, London – New York, 1987.

Ссылки – References in Russian

Бодрунов 2016 – *Бодрунов С.Д.* Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016.

Бузгалин 2018 – *Бузгалин А.В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10–38.

Бузгалин, Колганов 2018 – *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. В 2-х тт. Т.1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Издание 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2018.

Бузгалин, Колганов 2019 – *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1

Булавка 2011 – *Булавка Л.А.* Пролетарская культура: культура для пролетариата? // Альтернативы. 2011. № 4. С. 41–51.

Булавка 2013 – *Булавка Л.А.* «Пролетарские массы» и культура: преодоление отчуждения // Философские науки. 2013. № 12. С. 74–88.

Джаббаров 2016 – *Джаббаров Д.Б.* Прогресс человеческих качеств: рыночные и пострыночные механизмы стимулирования социально-экономического развития // Экономическое возрождение России. 2016. № 4. С. 68–73.

Мамардашвили 1990 – *Мамардашвили М.К.* Превращенные формы. О необходимости иррациональных выражений // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.

Маслов 2018 – *Маслов Г.А.* Творческий труд: предпосылка теоретической революции? // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 94–109.

Момджян 2016 – *Момджян К.Х.* Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 36–46.

Стэндинг 2014 – *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014

Тапскотт, Вильямс 2009 – *Тапскотт Д., Вильямс Э.* Викиномика: Как массовое сотрудничество изменяет все. М., 2009.

Тихонова 2014 – *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, Институт социологии РАН, 2014.

Тощенко 2015 – *Тощенко Ж.Т.* Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13.

Тощенко 2017 – *Тощенко Ж.Т.* Новое в социальной структуре общества: прекариат // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 100–108.

Хубиев 2018 – *Хубиев К.А.* Инновационная экономика против наемной формы труда // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 55–61.

Яковлева 2018 – *Яковлева Н.Г.* Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 149–153.

Determinants of the Social-class Structuring of the Society and its Specificity in the Conditions of System Transformations

Alexander V. Buzgalin, Andrey I. Kolganov

The authors show that the emphasis on the technological and economic foundations of social structuring, characteristic of the socio-philosophical doctrine of Marx, remains an important methodological basis in the 21st century. However, the socio-philosophical developments of modern Marxism, critically developing the positions of Marx, put forward by him a century and a half ago, show that the transformation of the technological and socio-economic foundations of late capitalism leads to profound changes in the nature and content of social and class structuring of society. In particular, the basic class structure of classical industrial capitalism is transformed under the influence of the progress of the creative content of labor and the socialization of the market, leading to the formation of interclass social groups and intraclass stratification, a kind of “defocusing” of this structure. The authors reveal the technological and socio-economic determinants of such a “defocusing” and their consequences — the transformations of the social structure. The transformations of the two “classical” classes of a capitalist society (an industrial employee and a private owner of capital) that are caused by the technological revolutions of the last decades on the one hand and by the development in the twentieth century and the preservation in the twenty-first century of relations of social regulation and appropriation in the market-capitalist system depths — on the other hand are shown. The influence of the processes of growth/withdrawal of the relations of social alienation and their opposite — social creativity on these transformations is revealed.

KEY WORDS: social philosophy, Marxism, social and class structure of society, classes, late capitalism, creative labour, Post-Soviet School of Critical Marxism.

BUZGALIN Alexander V. — Center for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4, Lomonosovsky av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

DSc in Economics, Professor at Department of Political Economy of Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University, Director of Center for Modern Marxist Studies at Faculty of Philosophy.

buzgalin@mail.ru

KOLGANOV Andrey I. — The Laboratory of Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

DSc in Economics, Professor, Head of the Laboratory of Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University.

onaglo@mail.ru

Received at November 11, 2018

Citation: Buzgalin, Alexander, and Kolganov, Andrey. (2019) “Determinants of the Social-class Structuring of the Society and its Specificity in the Conditions of System Transformations”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2019), pp. 50–61.

DOI: 10.31857/S004287440005336-4

References

- Bodrunov, Sergey D. (2016) *The Future. New Industrial Society Reloaded*. 2nd ed. St. Petersburg: INID n.a. S.Yu. Witte (in Russian).
- Bulavka, Liudmila A. (2011) Proletarian culture: culture for the proletariat? *Alternatives*. No. 4, pp. 41–51 (in Russian).
- Bulavka, Liudmila A. (2013) “‘Proletarian Masses’ and Culture: Overcoming Alienation”, *Filosofskie Nauki*, Vol. 12 (2013), pp. 74–88 (in Russian).
- Buzgalin, Alexander V. (2018). Late capitalism and its limits: dialectics of productive forces and production relations The decline of neo-liberalism (to the 200th birth anniversary of Karl Marx). *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*. No. 2, pp. 10–38 (in Russian).
- Buzgalin, Alexander V., Kolganov, Andrey I. (2018) *Global Capital*. In 2 vols. Vol. 1. Methodology: On the Other Side of Positivism, Postmodernism and Economic Imperialism (Marx Re-loaded). Vol. 2. Global Hegemony of Capital and Its Limits (“Capital” Re-loaded). 4th edition. Moscow: LENAND (in Russian).
- Buzgalin, Alexander V., Kolganov, Andrey I. (2019) “Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class?”, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No 1, pp. 18–28 (in Russian).
- Dzhabborov, Daler B. (2016) Progress of Human Qualities: Market and Post-market Mechanisms to Stimulate Social and Economic Development. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [The Economic Revival of Russia]. Vol. 4, (2016), pp. 68–73 (in Russian).
- Florida 2002 – Florida, Richard (2002) *The Rise of the Creative Class*, Basic Books, N.Y.
- Florida 2014 – Florida, Richard (2014) *The Rise of the Creative Class – Revisited*, Basic Books, N.Y.
- Graeber 2013 web – Graeber, David (2013 web) *On the Phenomenon of Bullshit Jobs: A Work Rant*, <https://strikemag.org/bullshit-jobs/>
- Graeber 2018 – Graeber, David (2018) *Bullshit Jobs: A Theory*. Simon & Schuster.
- Lin 2010 – Lin, Yan (2010) “Byzgalin and the School of ‘Post-Soviet Marxism’”, *Modern Philosophy*, 2010, Vol. 3 (2010), pp. 28–33 (in Chinese).
- Khubiev, Kaisyn A. (2018). Innovative Economy and the Wage Form of Labor. *Voprosy Politicheskoy Ekonomii*, no. 1, pp. 55–61 (in Russian).
- Mamardashvili, Merab K. (1990) “Perversed forms. On the Necessity of Irrational Expressions”, *As I understand philosophy*, Progress, Moscow (in Russian).
- Maslov, Gleb A. (2018) “Creative labour: a Precondition for Theoretical Revolution?”, *Filosofiya khozyajstva* [Philosophy of the Economy], No. 2, pp. 94–109 (in Russian).
- Momdzhyan, Karen (2016) The Hypothesis of Social Progress in Modern Social Theory. *Voprosy Filosofii*, vol. 10 (2016) pp. 36–46 (in Russian).
- Standing, Guy (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, Bloomsbury Academic, L.-N.Y. (Russian translation).
- Tapscott, Don, Williams, Anthony D. (2007) *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*, Penguin, N.Y.
- Tikhonova, Natalya Ye. (2014) *The Social Structure of Russia: Theories and Reality*. Moscow: New Chronograph, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Toshchenko, Jean T. (2015) “Precariat – a New Social Class”, *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, Vol. 6 (2015), pp. 3–13 (in Russian).
- Toshchenko, Jean .T. (2017) “New in the Social Structure of Society: Prekariat”, *Vestnik Rossijskogo Fonda Fundamental'nyh Issledovanij. Gumanitarnye i Obvestvennye Nauki* [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences], Vol. 2 (2017), pp. 100–108 (in Russian).
- Yakovleva, Natalya G. (2018) “Education in Russia: public good or commercial service?”, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], No 3, pp. 149–153 (in Russian).